

Последние

ЕКАТЕРИНА ПУРТОВА

Екатерина Пуртова

Последние

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Пуртова Е. В.

Последние / Е. В. Пуртова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

1761 год. Небольшая деревня на просторах Российского государства. Молодая любовь. И страшная болезнь. Что окажется крепче?

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Глава

I

В тот день на улице стояла жара. Казалось, ее можно потрогать пальцами; она касалась моих открытых плеч, опаляла смуглое лицо, гладила по выгоревшим волосам, показавшимся из-под платка. Нещадное солнце кусало кожу, и единственное, чего я желала – это вбежать в наш уютный домик, громко хлопнуть дверью и прислониться всем телом к прохладному дереву, оградившему меня от летнего зноя. Отдышаться, и вновь погрузиться в бесконечные мысли.

Подумать о Викторе, а затем о себе. Снова задаться вопросом о том, чего же я хочу, а чего – нет. Сокрушиться об упущенных возможностях, почувствовать себя в тесной клетке. Вспомнить о звездах, что раскиданы по всему небосводу южными ночами. О желании дотянуться до них. О стремлении жить и стремлении исчезнуть, которые так складно уживаются в моей голове.

А затем бы я непременно услышала тишину. В которой когда-нибудь найду ответ.

–Аня!

В беспорядочном потоке мыслей я смогла уловить свое имя. Это вызволило меня из внутреннего плена, и я вновь очутилась в ржаном поле, где каждый колосок так и норовил уколоть неприкрытые одеждой руки.

–Аня, спустись на землю. Люди вокруг не покладая рук работают, а ты столбом стоишь.

Я едва успела поймать наскоро врученное ведро с нагретой солнцем водой. И поскольку от природы сил во мне было немного, под тяжестью наполненной до краев бадьи я оступилась, и живительная влага попала не только на сухую землю, но и на мое рабочее платье. Возможно, я бы радовалась, будь вода прохладной, но сейчас одежда противно липла к мокрому и разгоряченному телу. Из-за этого мне хотелось снять с себя эту одежку.

–Еще и воду пролила! Ну что за девка!

Голос рядом стоящей женщины отдавал сухостью, как ветки давно срубленного дерева. А речь ее хоть и была спокойна – не слышалось даже намек на злобу, скорее – слабый укор, – каждый, кто находился рядом, сразу понимал, что перед ним – человек с твердым и негибким характером, к которому невольно испытываешь уважение.

–Виновата, маменька, – уставившись себе под ноги, я аккуратно опустила ведро к земле и крепко схватилась за погнутую ручку.

–Помоги же нашему хлебу. А то зимой, гляди, помрем все.

Матушка приняла ведро у очередного работника и принялась обильно поливать рожь.

Злак имел добротный вид, а цветом бы схож с летним солнцем, однако намертво стоящий зной, который словно бы решил, что наша ничем не привлекательная деревенька послужит ему неплохим домом на некоторое время, заставил всех жителей поволноваться и принять решение о массовом поливе будущего урожая. Дожди, что я так любила, не навевались к нам уже больше десятка дней.

Поднимая грузное ведро, матушка не подавала вида, что это дается ей нелегко. Я не слышала ни одного тяжелого вздоха или нечаянного стона, но прекрасно знала, что она страстно это прячет. Такие нагрузки всегда приводили к тупой боли в спине и ломоте в ослабших руках. Сколько не втирай мазь из стертых листьев земляники, боль никогда не уйдет окончательно.

Я бросила взгляд на свои загорелые руки – когда-нибудь и моя кожа покроется морщинами, изменится ее запах; глаза потеряют былую зелень, а темные волосы поседеют и станут ломкими, и тогда мне придется их обрезать. Через пятьдесят лет я буду сидеть на покосившейся со временем скамеечке около дома и вдумчиво смотреть на дорогу, прохожих, а иногда – вглядываться в небо. Думать, каждый ли мой выбор был верным.

Но это будет через несколько десятков лет, а сейчас мне шестнадцать. Рано думать о старости.

Как измученная рожа желала испить воды, с такой же силой я хотела узнать, почему мои мысли всегда так далеки от меня самой, почему они так не схожи с окружающими меня людьми, почему я хочу вырваться, и, главное, из чего. Казалось, несчетное количество лет я металась между обычной жизнью крестьянки и ожиданием чего-то большего и волнующего. И не могла выбраться из замкнутого круга – меня не понимали люди, а я не понимала их.

Возможно, до конца своих дней я бы бродила по темным закоулкам своей души, силясь найти правильные ответы на неправильно заданные вопросы, а жизнь, растянутая на полвека, обернулась бы для меня мигом. А затем погасла, как гаснет свеча, забытая где-нибудь на чердаке.

Встреча с Виктором оказалась для меня протянутой рукой помощи. Он стал спасительным указателем, вдруг появившимся из ниоткуда на туманной тропе. Как свеча разгоняет окутавшую ее тьму, так он приглушил терзающие меня мысли. Тепло его плеча, на которое я могла опереться, успокаивало меня и заставляло думать, что, возможно, когда-то на развилке я свернула в верную сторону. Карие глаза, всегда смотревшие на меня с неумолимой нежностью, вызывали во мне дрожь, идущую откуда-то изнутри – из самого сердца. Когда он шел навстречу, кровь кипела во мне, а ноги подкашивались, и я понимала, что никуда не денусь. Если бы когда-нибудь меня вдруг постигло желание убежать от него, это стало бы полным провалом, поскольку рядом с ним тело и сама душа мне не подчинялись. Лишь ему. Лишь этим пронзительным глазам, сильным рукам и обжигающей страсти к жизни.

Виктор стал моим спасением, и каждую ночь я молилась о нем.

Когда солнце начало скрываться за горизонтом, работа в поле была почти закончена – не политым остался лишь небольшой участок. Но мышцы ломило от перенапряжения настолько, что очередное ведро для меня было сравнимо с наполненной до краев бочкой. Платок не смог полностью уберечь от грозных лучей солнца, отчего тревожила легкая головная боль. Руки не слушались. Я посмотрела на мать и пристыдилась – будучи намного старше меня, она, не переставая, несла ведра и, резво двигаясь, поливала каждый колосок настолько тщательно, что у меня невольно закрались подозрения, переживет ли следующий зной тот участок поля, который поливала я.

Но я была молода, и твердый дух свободы не давал мне спокойно закончить свою работу. Ноги несли прочь, на главную дорогу напрямик в деревню. Совсем скоро закат разольет по небу свои краски, а мне не очень хотелось наслаждаться такой картиной, работая в поте лица где-то в низине. Для таких зрелищ нужны холмы. Как наш – Лавка. Не зря его так называли. В вечернее – да и что скрывать – в ночное время вся немногочисленная молодежь Новополя собиралась на холме. Расположившись кто на старых одеялах, кто на платках, а кто и на голой земле, все замолкали, либо кто-то же приглушенно переговаривался, дабы не мешать другим, и наблюдали за прекрасным алым закатом или яркими звездами, мерцающими то тут, то там. Со стороны холм становился похож на большую лавку, с которой все-таки не сравнится обычная деревянная, стоящая аккуратно подле дома и на которой собираются старики.

Лавка находилась поодаль от деревушки, где уже не было слышно возгласов людей, стука топора и даже мычания коров. По дороге к холму нужно было преодолеть небольшую рощицу, поэтому ни домашний скот, ни случайный путник, направляющийся в соседнюю деревню, не могли ненароком к нам забрести.

Именно туда мне и моим приятелям нужно было попасть как можно скорее, чтобы успеть лицезреть, как солнце прощается с нашей деревней. Я была уверена, что Люба давно покинула поле и уже дома облачается в свое любимое платье в горошек, дабы Андрейка глаз не смог от нее отвести. К сожалению, моя ненаглядная работала на другой части нашего огромного посева, и так как работа ладилась с самого утра, у меня даже не было времени встретиться с

ней, чтобы перекинуться парой фраз о наших женихах, как мы в шутку называли Андрея с Виктором.

В груди тревожно забилося сердечко от осознания того, что я могу опоздать на встречу. Конечно, меня непременно подождут, но тогда из-за меня мы пропустим закат, и через рощу придется пробираться уже в потемках.

Я разволновалась настолько, что даже не заметила, как сжала пальцы в кулаки, и ногти оставили яркие полумесяцы на ладони. Брови нахмурились, а напряженный взгляд был направлен под ноги, словно бы я выражала недовольство своими сандалиями. Прикушенная губа придавала моему образу немного горечи.

Справа от меня раздался укоризненный вздох.

– Анька, долго будешь мне сердце рвать? Бог с тобой! Беги уже к Витьке своему.

Я радостно повернулась к матушке. Увидев ее теплую улыбку, в груди запели птицы, и я, бросив в сторону ведро, заключила ее в свои объятия.

– Мамочка моя, спасибо большое! Как мне повезло, что ты у меня такая замечательная!

Горячо поцеловав ее в щеку, я приподняла подол пыльного платья и, что есть мочи, бросилась к дому. Мысль о том, что я скоро увижу любимого, придавала мне сил, а улыбка не желала сходить с моего лица. Пытаясь не запнуться о корягу или поскользнуться на камнях, я сокрушалась о том, что сегодня молодых парней отправили достраивать дом Булякова – нашего лучшего лекаря. Совсем недавно под его крышей произошел пожар. Никто точно не уверен в причине воспламенения, но поговаривают, что его жена уснула за книгой, не потушив свечу, и, дернувшись во сне, случайно обронила подставку. Благо, вскоре в дом вернулся сам Буляков, поэтому жертв удалось избежать. Огонь хорошо потрепал дом, хоть и тушили его силами всего Новополя. В обгоревшем, а местами и обвалившемся доме, жить не очень комфортно, а уже тем более днем, когда солнце не щадит никого, внутри стоит духота, и не то, что маленькому ребенку (у них есть сын) – взрослому находиться в ней крайне тяжело.

Семья Буляковых по нашим меркам достаточно обеспечена, поэтому для них не составляет большого труда переехать в соседнюю деревню, где есть несколько пустых домов. Но терять такого ценного человека, как врач, никто не хотел, поэтому было решено в кратчайшие сроки собрать сильных и выносливых мужчин, которые могли бы работать в поте лица на таком солнцепеке, и достроить Буляковым добротный дом. Хозяин пообещал отблагодарить каждого, кто принял участие в этом деле. Да и на руку это всем, чтобы под боком оставался человек, способный спасти чью-то жизнь, а то и несколько.

Виктор был одним из добровольцев, вызвавшихся помочь Буляковым.

За все время, что мы с любимым не виделись, я успела сильно соскучиться по нему. Непрошенные мысли снова потихоньку прокрадывались в мою голову, и я отчаянно пыталась отогнать их.

Кто бы мог подумать, что однажды я буду так сильно нуждаться в человеке.

Когда мои знакомые, включая Любу, уже начали гулять с мальчиками, я еще играла в куклы, и на тот момент мне было непонятно, почему вдруг девочки стали миловаться с противными мальчишками, которые всегда дергали нас за косички да за хвостики. Я даже умудрялась обижаться на свою подругу, считая, что она вот так легко предала нашу дружбу. И однажды мы не на шутку поругались – в ответ на мою очередную обиду, Люба в сердцах ответила:

– Не бросала я тебя! Просто теперь ты не единственный близкий мне человек. А будешь и дальше обижаться – останешься одна со своими куклами!

Не разговаривали мы тогда все лето. Пока однажды она не заявила к нам домой, что стало для меня полной неожиданностью, так как на тот момент я уже смирилась с мыслью, что потеряла друга. Вызвав меня во двор, Люба начала откровенный разговор, в ходе которого выяснилось, что страдала не я одна, а сама Любаша начала ссориться со своим голубком, не выдерживая скопившегося внутри напряжения. Конечно, я услышала из ее уст все, что она обо

мне на тот момент думала, а я, в свою очередь, поделилась своими соображениями насчет нее. Спустя несколько криков да пущенных слез, мы все же примирились и дали обещание больше никогда не расстраивать нашу дружбу из-за ерунды и недомолвок.

Тогда я и поняла, что Люба уже в то время была намного мудрее меня, а я пристыдила себя за такой глупый эгоизм.

Но когда я вдруг осознала, что все мои знакомые ходят парами, а я сижу дома одна и вынашиваю никому не понятные идеи, когда в мою стороны стали сыпаться колкие фразы о том, что я, однако, засиделась в девках; да и вообще – в голове моей одна дурь, тут-то ко мне и подкрались сомнения, что со мной что-то не так. Иначе как объяснить мое стремление посидеть в одиночестве на Лавке, огромном поле да в рощице; сотворить что-нибудь собственными руками, донести свои мысли до людей, оставить большой след в жизни, а не работать с утра до ночи в поле, доить коров да родить пару-тройку детишек.

Сначала я вступала в спор со всеми, кто пытался меня образумить, как они считали. Но вскоре поняла, что все это бессмысленно, ибо заканчивается ничем – каждая сторона остается при своем. Меня перестали пытаться свести с каждым встречным родные и друзья, и оставили в покое и остальные. Лишь старики иногда косо поглядывали да перешептывались между собой, мол, неправильно мать Аньку воспитала.

Все шло своим чередом. Я продолжала гулять одна либо с Любой и Андреем, днем помогала по дому, а ночью погружалась в себя.

А потом неожиданно я оказалась на именинах Андрея. Особо близкими людьми мы-то не были, однако Любка уговорила его пригласить меня. Собравшаяся компания была настолько огромной и шумной, что чувствовала я себя совсем не уютно. И так бы и просидела весь праздник в стороне, пока кто-то из приятелей Андрея не крикнул на весь двор:

– Да они же два сапога пара! Обоих не видно да не слышно. И лица у них угрюмые.

Тогда я сразу поняла, что являюсь одним из этих сапог. Но вот кто второй...

Ответ мне дал мягкий голос, прозвучавший с левого края стола:

– Уважаемый!

Угрюм я по одной простой причине,
признаюсь честно при друзьях,
ни в чем серьезном не повинен,
но хворь сковала вдруг меня.
Прошу прощения в одном -
что перед всеми я гостями,
предстал с болезненным лицом.

После его слов повисла тишина, а обескураженные слушатели во все глаза уставились на вдруг затесавшегося среди них поэта.

– Опять он рифмы свои крутит, – пробурчала себе под нос Любка, сидевшая рядом со мной.

Наконец, я смогла разглядеть виновника столь неловкой паузы.

С противоположного края составленных вместе столов сидел широкоплечий юноша, лукаво улыбаясь и исподлобья наблюдая за открывшим рот пареньком, доселе пытавшимся подколлоть нашего барда.

– Кто он? – Еле слышно спросила я у подруги. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь подумал, что я заинтересовалась им – сразу слухов не оберешься.

– Виктор, – пояснила Люба, – его семья переехала к нам из большого города где-то с месяц назад. Живут недалеко от Буляковых. Не трать время – в нем ничего нет, глазу не за что зацепиться.

– Но мой-то, – я снова перевела взгляд на новосела, – зацепился...

Виктор был шатеном, его чуть отросшие волосы кудрявились и были усердно зачесаны назад, открывая высокий лоб. Брови настолько густые, что глаза на их фоне выглядели немного узкими, будто он шурился или усмехался. Но это не мешало разглядеть всю красоту этих карих глаз, острого носа и тонких губ. Казалось, что все черты его лица абсолютно гармонировали друг с другом, будто их подобрал художник.

Темно-синяя хлопковая рубашка была немного помята, а ее ворот не был подогнут, как у остальных, а, наоборот, выпрямлен, отчего уголки касались покрытой щетиной щек. И у меня вдруг возникло ощущение, что вся эта небрежность в его образе была устроена им специально.

Он не был первым красавцем, но что-то так сильно тянуло меня к нему, что я почувствовала в сердце тоску. От нахлынувших на меня странных чувств хотелось выскочить из-за стола и убежать от этого места как можно дальше. Но я твердо взяла себя в руки и тут отметила еще одну деталь.

Кожа Виктора была намного светлее нашей. Он не был бледным, но складывалось впечатление, что он почти не выходит из дома.

Я неотрывно следила за Виктором, пока меня не отвлек вновь начавшийся спор.

– Допустим, что своею хворью ты меня убедил, – продолжил заваривший всю эту кашу. – Но, согласись, девицы в нашем возрасте должны быть активными, веселыми, чтобы с ними хотелось время проводить, да забываемо. Чтобы с ними можно было покалякать. А с Анькой что? Она если и скажет чего, так не понять совсем. И будете молча глядеть друг на друга.

Мне были очень неприятны эти слова, но, сталкиваясь с подобным в течение уже продолжительного времени, я сумела не подать виду, что они меня задели, и уже собиралась свести все на шутку, как вдруг Виктор произнес:

– Совсем не знак бездушья молчаливость. Гремит лишь то, что пусто изнутри, – он встал из-за стола, всунул руки в карманы штанов и недовольно посмотрел на оппонента. – Шекспир так писал, если слышал о нем. А с такой девушкой, как Анна, не калякать нужно, а разговаривать.

Наши взгляды вдруг пересеклись, и внутри меня что-то оборвалось. И это «что-то» бесшумно падало в бесконечную пустоту внутри.

Затем Виктор бросил кроткое «До свидания!» и направился к калитке.

Во всеобщей тишине я слышала звук его удаляющихся шагов, и чем больше их было, тем громче стучало мое сердце. И тем отчаяннее я хотела крикнуть «постой!». Виктору, а не сердцу. Сердце уже было не остановить.

В своих руках я держала возможность быть услышанной, но она с каждой секундой становилась невесомей и прозрачней.

Если я ничего не сделаю, то ничего не произойдет. Никто не будет меня обсуждать сегодня, завтра, послезавтра. Задавать глупые вопросы, интересоваться тем, чего им не следует знать. Подшучивать за спиной. Все будет так же, как и всегда.

Так же, как и всегда.

Тогда я сорвалась с места и кинулась прочь.

Виктор уже покинул двор и быстрым шагом направился по проселочной дороге.

– Ань, ты куда? – Позади я услышала удивленный возглас подруги. Но не остановилась. Только сейчас я поняла, что она имела в виду, когда говорила о появлении в жизни еще одного человека, рядом с которым так хочется быть.

Я с трудом перебирала ногами, буквально заставляла тело двигаться. Оно немело от заполняющего каждую его клеточку страха. Волосы растрепались – я не стала собирать их в хвост. Они падали мне на лицо, отчего на мгновение силуэт Виктора терялся из вида. Приходилось небрежно откидывать их рукой куда-то за спину. Легкое неприметное платьице шуршало под порывами ветерка, а нога так и норовила выскочить из сандалии.

Дыхание совсем сбилось, силы иссякли, будто я обежала всю деревню. Понимая, что могу его и не нагнать, я решила окликнуть Виктора, но тут неудобная обувь все же слетела с ноги и, не успев собраться, я упала голыми ногами прямо на гравий, помимо этого содрав кожу с ладоней, на которые успела опереться, дабы уберечь хотя бы лицо.

Было очень больно, а я смотрела на все эти мелкие камушки, словно они были непреодолимым препятствием на моем пути. Замерев, я разглядывала каждый из них – кто какой формы, цвета. Пока картинка перед моими глазами не стала расплываться. Слезы от обиды и осознания какого-то бессилия душили меня. Уши заложило. Еще никогда так сильно я не хотела исчезнуть.

Рука, сомкнувшаяся на моем запястье, заставила меня вздрогнуть. Из-за шума в ушах я даже не услышала, как кто-то ко мне подошел.

– Я такой подлец. Из-за меня Вы поранились.

Резко подняв голову, я пыталась разглядеть его лицо, но застывшие в глазах слезы мешали.

Виктор взял мои руки в свои и оглядел стертые в кровь ладони. Он собирался что-то сказать, но вдруг остановился. А затем я почувствовала, как теплые пальцы стирают дорожки слез с моих щек и ресниц.

– Я имел наглость подумать, что Вы догоните меня, – наконец произнес он.

– Вы знали, что я пойду за Вами? – Ноющая боль вдруг покинула мое тело, будто ее и не было вовсе. Виктор рядом со мной, и больше ничего не имело значения.

Лицо моего спутника тронула легкая улыбка.

– Всегда знал.

После, я много слышала, как люди отзывались о нашей паре. О том, какие мы странные и, в принципе, изначально подходили друг другу. Были и слухи, и глупые вопросы, и шутки за спиной. Но это было неважно. Потому что я больше была не одна.

Со временем все улеглось, и все остались счастливы.

Была Люба, искренне радующаяся за меня; ее Андрей, который впоследствии извинился за выходку того остолопа на празднике. Был Виктор, всегда понимавший меня с полуслова. А еще была я, которая безумно любила его в ответ.

Погрузившись в воспоминания, я даже не заметила, как добежала до ворот дома.

Наспех отворив калитку, напрямик направилась в маленькую баньку. Необходимо было смыть всю пыль и грязь, что осели на мне за целый день.

Зачерпнув большим ковшом теплой воды из бочки, которую специально оставляли на солнце для прогрева, я взяла деревянный таз и наполнила его водой из ковша. Затем подлила немного прохладной. Закрыв дверь, торопливо скинула с себя грязное платье и, немного подумав, сняла с головы платок – решила все же и волосы промыть, хотелось пойти на встречу с Виктором в абсолютно свежем виде.

Потратила я на все от силы минут десять. Сняв с веревки чистую тряпку, которая служила нам полотенцем, полностью обернулась в нее. И чуть не надела сандалии, в которых поливала сегодня рожь. Я снова зачерпнула холодной воды и, попутно оттирая руками грязь, промыла их.

Задержав дыхание, поочередно всунула одну, а затем и вторую ногу в теперь ледяные сандалии. Вдохнув сквозь стиснутые зубы воздуха, – вода все же была очень холодной – побежала в дом.

Конечно, я понимала, что теперь любоваться закатом мне придется с не до конца просушенными волосами, но лучше так, чем с грязными. Вбежав в свою комнату, я сразу кинулась к кровати, на которой заботливо лежало приготовленное с утра платье. Люба оденет свое любимое, а я чем хуже?

Нежно-голубого цвета хлопок, с красивым белым воротником – это платье мне подарил ныне покойный дядя, брат отца. Прямым из Белгорода. И сидело оно на мне замечательно. Правда, матушке все казалось, что оно немного коротковато – ей бы до щиколоток. Но такого ни у кого не было, и каждый раз, когда я его надевала, всякий прошедший обязательно бросал на меня взгляд.

Если бы я была еще так же красива, как Ленка из двадцать третьего дома, тогда бы на меня не только бросали взгляды, но и отвести бы их не смогли. А так, у той же Любы внешность была намного примечательней. Переливающиеся на свету волосы цвета воронового крыла, которые она часто заплетала в толстую косу, вкупе с чистыми голубыми глазами и смуглой кожей создавали поистине привлекательный образ. К тому же, девка она была фигуристая, так что Андрею очень повезло.

Я, к сожалению, не могла похвастаться формами, самого детства большинство вещей сидело на мне, как на вешалке.

Опомнившись, в скором темпе я начала одеваться. Затем еще раз просушив волосы уже другим, сухим, полотенцем, принялась их расчесывать. Конечно, после мыла очень тяжело это делать, тем более, когда опаздываешь. Поэтому, приведя их в более-менее опрятный вид, решила, как Любана, заплести косу. Так хотя бы не будет сильно заметно, что они немного мокрые.

Выглянув в небольшое окошко, и глубоко вдохнув теплого летнего воздуха, такого, который бывает только в деревнях, наспех влезла в белые туфельки из цветной кожи, которые мне подарил уже Виктор. Я была абсолютно уверена, что стоили они не мало и даже сопротивлялась такому дорогому подарку, но он и слышать ничего не желал.

– Когда я их увидел, то сразу понял, что сделаны они были только для тебя.

На мой вопрос почему, он ответил, что они такие же милые и невинные, как я сама, и по всему свету другие такие не сыщешь.

Улыбнувшись такому теплему воспоминанию напоследок, я взяла четыре кусочка хлеба, щедро намазанные маслом, которые так заботливо для меня приготовила маменька, завернула их в старую газету, а затем вложила в платок, концы которого завязала узлом, в конечном итоге получив своеобразную сумку. Мы заранее договорились, *что* каждый из нас принесет с собой на прогулку.

Времени больше не было, и я быстрым шагом, иногда переходя на бег, направилась к месту встречи. Благо, оно было недалеко от моего дома – на выходе из деревни.

Уже издали я увидела ожидающих своих товарищей Любу и Андрея. И очень удивилась, не обнаружив Виктора. Несмотря на то, что жил он на другом конце Новополя, всегда приходил первым, а иногда и вовсе заходил за мной. Но очень часто я к этому времени еще не была готова (мы держали коз, и иногда мне приходилось их пасти, а потом еще и доить), поэтому мы условились встречаться в назначенном месте.

Теперь же, подойдя к друзьям, я была немного обеспокоена отсутствием моего любимого Виктора. В голове сразу начали роиться разнообразные мысли – от безобидных до самых страшных. Неужели что-то случилось на стройке?

Люба же, увидев мое взволнованное лицо, принялась меня успокаивать:

– Все хорошо, Ань, слышишь меня, – она дотронулась до моих плеч и пристально посмотрела прямо в глаза. – Андрей сказал, что Вите надо было встретить своего старшего брата, поэтому он немного опоздает.

– Он еще со стройки раньше ушел, чтобы к нам потом успеть, – подтвердил Андрей.

Я закрыла глаза и глубоко выдохнула, дабы вместе с воздухом ушло и внезапное напряжение. Переживать за всех и вся – вот то, что я делала лучше всех остальных. Тем более за Виктора я всегда боялась. Нам и так трудно далось найти друг друга, потерять его означало потерять саму жизнь. Я не могла этого допустить.

Усугублял положение и заставлял меня постоянно нервничать еще и тот факт, что, будучи совсем маленьким ребенком, Виктор перенес ужасную болезнь – испанку. Как он рассказал мне однажды, и более никогда не поднимал эту тему, с того света его вытаскивали лучшие врачи. К тому же, его матери пришлось в одиночку искать помощи – ее муж незадолго до этого происшествия скончался от той же болезни. Поэтому женщине пришлось приложить в два раза больше усилий, что спасти своего ребенка. Вместе с этим несгибаемым материнским желанием в ее голове также укоренились мысли о безысходности, которые она никак не могла прогнать. Но неплохой материальный достаток, связи в городе и благословение Господне позволили ее сыну выжить, хоть и навсегда отняли у него способность сопротивляться любым болезням. Но такой исход был гораздо лучше. Поэтому до сих пор она каждый день по часу, а то и более, молится Богу, попутно ограждая сына от опасных работ. И готова бороться хоть с самой природой за его жизнь. Думаю, и на стройку его отпускали с тяжелым сердцем. Но я знаю Виктора – он не может остаться в стороне, когда у других горе.

Внезапно большая ладонь накрыла мои глаза, и спиной я почувствовала тепло человеческого тела. Конечно, я сразу догадалась, кому принадлежали эти крепкие руки, этот жар, исходящий из самого сердца. Я знала, чья это была безграничная любовь.

Перед носом вдруг возник приятный травяной запах с ноткой летнего цветка. Кончики лепестков коснулись моего лица, обдав своей свежестью и абсолютной нежностью.

– Прости, что заставил волноваться.

Когда рука с моего лица исчезла, я, наконец, смогла увидеть букет.

Виктор держал три высоких крепких стебля, по всей длине которых были разбросаны узкие удлинённые листочки с зубчатыми краями. А верхушка каждого стебелька была увенчана чашевидными цветками, собранными в кисть однобоким соцветием. Два цветка были ярко-синего цвета, а третий, что оказался посередине, – белоснежного.

Аккуратно взяв букет в свои руки, я не смогла сдержать улыбки. Мои тревоги куда-то исчезли, и все внутри затопила любовь. Виктор всегда умело забирал себе мои страхи.

– Колокольчики... – Тихо прошептала я. Так хотелось попробовать это слово на вкус. – Таких красивых я здесь не видела.

– Красивые цветы всегда прячутся, – ответил Виктор. – Их просто так не увидишь.

Он приобнял меня за плечи и продолжил шептать на ушко:

– Колокольчики означают «я всегда думаю о тебе». Если ты прислушаешься, то услышишь в них мои мысли.

Виктор мягко коснулся белого цветка.

– Это ты. Сама чистота и непорочность. А это, – дотронувшись до синих, – моя верность нашей любви. Смотри, она окружает тебя.

Я завороченно смотрела на букет, который, казалось, мог рассказать всю мою жизнь. И одновременно думала, откуда Виктор это знает. Сколько книг он перечитал, с какими людьми беседовал, чтобы ведать о таком?

Мои мысли прервал недовольный голос Любы, которая, очевидно, обращалась к Андрею:

– А где мои цветы, любовь моя?

Андрей, совсем не ожидавший такого вопроса, только и смог, что почесать затылок да ответить:

– Зато я пришел вовремя.

Когда мы, наконец, взобрались на вершину, то были приятно удивлены. Помимо нас здесь никого не оказалось, хотя в это время считалось нормальным встретиться с парой-тройкой человек. И я уверена, ни у кого на тот момент не возникло в голове совестных мыслей о том, что остальные просто-напросто еще работают в полях или только зашли в дом.

Даже когда мы полностью обустроились, – постелили на траву простыни и разложили еду да молоко – никто так и не появился. А нам что – мы были только рады.

Закат уже показал себя во всей красе. Небо умело смешало теплые багряные оттенки с нежными голубыми, сделав плавный переход между двумя цветами. Маленький яркий шарик постепенно исчезал за таким недостижимым горизонтом, забирая с собой суету прошедшего дня и привнося в сердце желанное спокойствие. Редкие облака, решившие задержаться на небосводе, купались в мягких розовых тонах.

Я могла уловить еле доносимый шелест листьев из рощи, которому иногда подпевала пролетающая птица.

И неважно, сколько людей окружало бы нас сейчас, в целом мире были только я и Виктор. Мне всегда нравилось облакачиваться спиной на его грудь, и тогда в ответ он крепко обнимал меня и зарывался носом в мои волосы. Я знала, что в такие моменты он совсем не смотрит на закат, хоть и очень хотела, чтобы он увидел, какую красоту может сотворить природа. Когда однажды я поделилась с ним этой мыслью, он ответил:

– Самое прекрасное, что могла сотворить природа, сейчас в моих руках.

Тогда цвет моего лица вполне можно было сравнить с самым спелым помидором. А пальцы рук внезапно начинали дрожать, поэтому, в попытке спрятать сильное смущение, я сжимала их в кулак. Вот так всегда – одной фразой Виктор заставлял меня испытывать доселе неведанные эмоции. Все внутри переворачивалось верх дном, а сердце стучало с каждым ударом громче и громче. В тот момент я была напугана тем, что в человеке вообще возможно пробуждать такие пожары, и счастлива от того, что кто-то смог это сделать во мне.

Я хотела убежать. И я хотела навсегда остаться.

Вот и сейчас он совсем не любит закатом, а перебирает своими длинными пальцами каждую прядь моих волос, будто видит их в первый раз. Но ведь когда и я вижу его, все внутри трепещет, будто мы с ним только познакомились. Мне кажется, спустя даже сто лет, проживая вдвоем каждый день, я была бы счастлива чувствовать его прикосновения, как однажды летом, когда он стирал кровь с моих ладоней.

– Август на дворе, – приглушенно промолвил Виктор.

– Давно уже, – прошептала я, задорно посмеявшись в ответ на нелепые слова.

– Посмотри туда, – он осторожно повернул мою голову в нужном направлении, а затем указал пальцем на место у подножия холма.

Взбирались на Лавочку мы всегда с восточной стороны и отчего-то никому не приходило в голову обогнуть весь холм, дабы осмотреть его со всех сторон.

С западной я увидела одинокий одуванчик – один из тех, чьи семена с белыми хохолками часто разносит ветром. Сначала я пыталась сообразить, что в нем особенного, но потом вспомнила – ни по дороге в поля, ни на пути на холм я не встречала одуванчиков вообще. И даже как-то о них забыла, ведь...

– Последние одуванчики плодоносят до июня, – закончил мою мысль Виктор. – В середине лета их уже редко встретишь, а сейчас уже конец.

– Значит, этот одуванчик особенный, – сказала я. Мой взгляд намертво прицепился к пушистому растению.

– Чем? – Мой собеседник улыбался, и у меня сложилось впечатление, будто он знал, что я отвечу, просто хотел, чтобы я сказала это в слух.

– Тем, что последний.

Я думала, что Виктор вновь блеснет своими обширными знаниями, но он вдруг замолчал. Возможно, задумался о чем-то важном. Неужели тема одуванчика для него настолько серьезна?

Я тихонько усмехнулась, а затем повернулась к нему лицом.

И увидела настолько неприкрытую грусть, что подумала, будто обидела его своим ответом. Узреть его таким было невыносимо для меня, к тому же я не понимала, что вдруг привело его в такую печаль.

Поэтому я осторожно коснулась его щеки, и в этот момент Виктор словно опомнился и настороженно посмотрел на меня. Увидев, что я заметила эту резкую перемену в его настроении, он взял мои руки в свои и тепло улыбнулся. Но вынужденная улыбка не смогла окончательно скрыть след тоски в его глазах.

Я хотела было спросить, хорошо ли он себя чувствует, но Виктор перебил меня.

–А если... Если где-то еще есть такой же потерянный одуванчик? Тогда этот уже не особенный?

Я не совсем понимала, что он хочет этим сказать, но решила все же ответить на вопрос, чтобы успокоить его душу.

–Значит, он совсем не одинок, как сам считает.

На секунду в его глазах отразилось замешательство. Он смотрел на меня с таким выражением лица, будто не верил, что я сижу перед ним. Словно, я плод его воображения.

Я совсем запуталась в причинах такого странного поведения Виктора, что сама же испугалась. Почему он говорит о одиночестве? Неужели ему невыносимо находиться рядом со мной?

Неожиданно Виктор притянул меня к себе и заключил в крепкие объятия. Одна его рука держала меня за поясицу, а другая – за голову, и он сбивчиво шептал мне в ухо о том, как он счастлив, что обстоятельства заставили его переехать в эту деревню; о том, как он готов боготворить человека, уговорившего его пойти на именины Андрея; о том, как он будет молиться за моих родителей, потому что, благодаря им, есть я.

О том, как сильно любит меня.

Со стороны Виктор казался холодным и отстраненным, не стремившимся к общению, да и вообще – к людям. Он был сам себе на уме. Но Люба не раз говорила, что, лишь завидев меня, в его глазах таял весь лед, и тогда в них отражалась сама любовь во всем ее понимании.

–Эх, завидую я тебе, Анька. Мой Андрей, конечно, молодец, но он совсем не романтик. А то, как на тебя Виктор смотрит, заставляет аж за сердце хвататься, – сказала она однажды. И была права.

Виктор сдержан в какой-то мере. Уж не знаю, что этому поспособствовало – воспитание или какая-нибудь неудачная первая любовь. Он абсолютно не был похож на всех этих задир со двора, которые, словно по взмаху волшебной палочки, стали бегать за каждой юбкой да отпускать странные шуточки. Тот, кого я любила, был немногословен и спокоен.

Но в какие-то моменты он вдруг выставлял на показ свои чувства. Не жалел слов о любви. Будто проснувшийся вулкан, он вдруг извергал жар, наполненный неутолимой страстью.

Я ругала себя за то, что, активно принимая все его ухаживания, старалась быть немного поодаль, так как считала, что, раскрыв сразу все карты, он быстро потеряет ко мне интерес. А мое сердце этого бы не выдержало.

И откуда только во мне такие убеждения?

Но однажды я обязательно скажу, как безумно его люблю.

Возгласы людей возвратили нас на землю.

Мы все вчетвером обернулись на тропинку, ведущую к рожице, на которой вскоре показалась небольшая компания. Они издавали так много шума, что я, как любитель тишины, невольно поморщилась.

–Это же Щегол со второго дома. Значит, медовуху точно несут, – довольно произнес Андрей.

Не нравился мне этот Щегол и вся его компания. Любители лишний раз отлынуть от работы да выпить. Не раз их заставляли в пьяных драках. Мама всегда предостерегала, чтобы мы не связывались с ними.

–О, гляньте! – Присвистнул главный лентяй. – А вот и наш изнеженный поэт.

Так как Виктор и его семья были последними приезжими в нашу деревню, некоторые обделенные умом личности до сих пор приравнивали их к чужакам. А чужакам, как известно, спуску давать нельзя, иначе они забудут, кто тут главный.

–Ребят, давайте найдем другое место, – предложила я.

Люба была солидарна со мной, а вот Андрей расстроился, что бесплатная медовуха ему сегодня не светит. Виктор же абсолютно никак не отреагировал на мою просьбу, а просто продолжил сидеть, уставившись на то место, где недавно скрылось солнце, предоставив сумеркам полную свободу.

–Эй, неженка, – рядом с нами кинули сумку, в которой что-то громко лязгнуло, – скажи мне, откуда ты такой взялся, а?

Под дружный гогот своих дружков, Щегол наступил на наше с Виктором одеяло, даже не сняв грязных сандалий. Конечно, одеяло принадлежало семье Виктора, а не моей, но мне стало вдруг очень обидно за стертые руки его матери, беспрестанно отстирывающей пятна с белоснежного покрывала.

Я даже почувствовала злость.

Но мой возлюбленный продолжал неподвижно сидеть, не реагируя на противную речь местного дурака. Последнему это явно не понравилось – его лицо исказилось от сильного недовольства. Гордость-то была задета.

–Ты с чего вдруг решил, что самый умный здесь?

Я обеспокоенно посмотрела на Любку с Андреем – они тоже были напряжены. Ситуация мне совсем не нравилась. Все сводилось к драке, но кто ее будет здесь разнимать? Один Андрей не справится.

–Язык что ли проглотил? – Не унимался Щегол.

–Нет, – спокойно ответил Виктор, аккуратно отодвинув меня от себя и, наконец, посмотрев на говорившего, – просто ты на столько глупый, что не вижу смысла тебя оскорблять.

У меня дыхание перехватило. От неожиданного ответа любимого и страха за него самого. Я не понимала, зачем он отвечает провокацией на провокацию. Если на него сейчас накинутся, как бы глупо это не звучало – я тоже полезу в драку, и мне плевать, что со мной будет. Я всегда должна быть на его стороне.

Успев заметить, как в намерении попасть в голову дернулась правая нога нашего неприятеля, я схватила Виктора за рубаху, дабы оттащить или хотя бы снизить урон от возможного удара, но оказалось, что Виктор и сам не собирался сидеть на месте. Он молниеносно отскочил в сторону, и удар Щеголя пришелся по воздуху. А затем прекрасно уловил момент, когда нападающий стоял только на одной ноге, и резко выдернул из-под него одеяло.

Любой бы не выстоял, что и случилось с Щеголем, который, потеряв почву под ногами, упал и кубарем покатился вниз – не повезло ему, что мы с Виктором прямо с краюшку обосновались.

Катиться было недалеко, но потерять ориентацию после такого – вполне возможно. Когда нападавший, неожиданно превратившийся в потерпевшего, наконец достиг горизонтальной поверхности и остановился, издавая протяжные стоны (наверняка они уже выпили медовухи, что и так затуманило им голову), только тогда его верные друзья вдруг опомнились и, бросив все, кинулись к нему на выручку.

Это был единственный шанс, и я резво стала собирать наши вещи, а точнее – просто скидывать все в Любину сумку. Затем схватила любимого за руку, попросив его ради моего спокойствия и безопасности уйти как можно скорее. Он взглянул в последний раз на кучку

необразованных дураков у подножия, и вдруг сам рванул к роше, крепко держа меня рядом, попутно крикнув нашим друзьям, чтоб не отставали. Мне оставалось только смотреть себе под ноги, дабы не запнуться о какую-нибудь корягу. Щегол уже вполне мог прийти в себя и выкинуть что угодно, поэтому задерживаться было нельзя ни в коем случае.

Мы бежали до тех пор, пока, наконец, не вышли из роши. Прислушавшись, сделали выводы, что погони за нами нет – наверняка хулиганы решили не тратить на нас время, а просто напиться медовухи, не зря же тащили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.